

Публика, бывшая у мирового судьи, давно уже разбрелась; а тѣ, кому приходилось идти въ одну сторону со Щастневымъ, далеко опередили его: одни ушли ранѣе конца засѣданія, другіе хотя и дождались этого конца, но успѣли исчезнуть, пока Алексѣй Ивановичъ объяснялся съ мировымъ.

Такимъ образомъ Щастневъ совсѣмъ одиноко шелъ по звачкомой дорогѣ.

Онъ уже добрался до песоченскаго перекрестка (что составляло почти половину пути), когда услышалъ за собою торопливый топотъ лошади: кто-то скакалъ верхомъ, поднимая цѣлое облако пыли.

Алексѣй Ивановичъ посторонился съ узкаго проселка, чтобы пропустить всадника впередъ; но, къ нѣкоторому его удивленію, незнакомецъ круто осадилъ лошадь, и прямо обратился къ нему съ вопросомъ:

— Не ты будешь Алексѣй Ивановъ Щастневъ съ Богодухова?

— Я...

— Ну, вотъ!

Всадникъ проворно соскочилъ съ лошади.

— Держи! — передалъ онъ поводья Щастневу. — Садись верхомъ, да отведи лошадь къ Писарьку, въ Верхній Хуторъ. Мировой судья, Александръ Васильевичъ приказали; потому — тебѣ все равно: почитай, что по дорогѣ.

— Ла-а-дно... А вы сами кто такіе будете?

— У Александра Васильевича, у мирового, въ кучерахъ служу.

— О-о-о! А прежній-то что же, Емельянъ Антоновичъ? Уволился, стало-быть?

— Зачѣмъ! Я въ родѣ какъ его помощникъ, за конюха состою.

— Та-а-акъ...

— Ну, смотри же, братъ, доставь лошадь въ исправности, баринъ приказалъ. Прощай! Да ты — слышь! — не гони ее за напрасно... поспѣешь.

— Ладно, предоставляю, будь въ надеждѣ. Чево гнать? Прощенья просимъ.

Конюхъ быстро ушелъ назадъ; а Щастневъ сѣлъ на давно знакомую кобылу, и шажкомъ поѣхалъ своей дорогой, дивясь про себя: зачѣмъ это «Синичка» попала къ мировому?

— Нѣшто купить ее не хочетъ ли; такъ, можетъ, на спытокъ бралъ? — догадывался Алексѣй Ивановичъ. — Мудренаго въ этомъ нѣтъ, что на спытокъ.